

Когда Синба принес еду, лицо Дайки на мгновение побледнело. Он посмотрел то на Мин Джуну, то на Тому, которые радостно восклицали, и поспешно поднёс ко рту кружку с крепким кофе. Его мучило так сильно, что терпеть было невозможно.

Синба поставил перед Мин Джуном и Томой тарелку, на которой горкой, словно конусом, лежали только что обжаренные хрустящие креветки-темпура.

— Вау, креветки!

— Креветки! Вкусно, вкусно!

Мин Джун с любовью посмотрел на Тому, который, радостно виляя попой, чуть ли не танцевал от счастья. Он взял горячую креветку палочками и стал усердно дуть на неё, остужая. Что особенного для японского стола в креветках-темпура? Проблема была во времени.

Завтрак в 6:30 утра. Блюдо, которое больше подошло бы к ужину или десерту, внезапно оказалось на столе. Дайки залпом допил кофе и протянул кружку Рену. Тот, словно только этого и ждал, снова налил её доверху густым чёрным кофе. Дайки, наконец, произнёс:

— Разве ты не говорил, что утром желудок не работает, поэтому не можешь есть?

— Это когда ещё было! — Мин Джун счастливо похлопал себя по животу, держа в другой руке креветку. — Чем больше ем, тем больше аппетит разыгрывается. Кажется, я уже и самгёпсаль могу с утра умять.

Дайки, только посмотрев на него, почувствовал тошноту, но, видя радость Мин Джуну, больше ничего не сказал. Лишь слегка отвернулся, чтобы убрать их из поля зрения.

Мин Джун остудил креветку и вложил её в ладонь Тома. Тот хрустел так мило, что даже этот звук казался очаровательным. Снова и снова выкрикивая «вкусно!», Тома уплетал креветки. Его крошечные губы блестели от масла. Мин Джун, глядя на это, сам сглотнул слюну и тоже откусил кусочек. Но почти сразу вскочил с кресла, подпрыгивая от боли:

— А-а-а! Горячо! Д-дайки! Я сейчас умру!

Зачем он в такие минуты зовёт его по имени, Дайки не понимал, но искренне посоветовал:

— Выплюнь.

— Как это выплюнуть, жалко же! Дайки, вы так просто всё говорите. Что, сами хотите попробовать?

Мин Джун, поколебавшись, взял самую маленькую креветку и протянул ему.

— Нет. Ешь сам. — Дайки даже не посмотрел в ту сторону и резко отрезал. Затем поднялся со своего места.

Правда заключалась в том, что жареное он не любил. Не то чтобы невкусно, просто ненавидел жирный блеск во рту и липкие пальцы.

Когда Дайки поднялся, Тома тоже вскочил на стуле и протянул к нему руку, сжимая в другой хвостик креветки. Мин Джун, уже тянувшийся за второй, тоже остановился и встал, чтобы проводить его.

— Папа, поцелуешь меня! — требовательно вытянул губы Тома.

А Мин Джун, держа креветку и думая: «После Тома моя очередь», тоже закрыл глаза, ожидая утреннего поцелуя.

Дайки ровно три секунды смотрел то на сына, то на Мин Джуна, и сухо произнёс:

— Сегодня пропустим. Всё.

Он быстро развернулся, чтобы уйти. Тома надув губы пробормотал:

— Папа меня не поцеловал...

Мин Джун погладил ребёнка по голове.

«Тома, мне тоже обидно. Кажется, он говорил, что любит меня. Может, прямо не сказал... но ведь показывал сердцем. Тогда почему даже утреннего поцелуя не даёт?»

Мин Джун так же, как и сын, чувствовал досаду, поэтому тоже не сел обратно, а буравил его спину взглядом.

То ли затылок зачесался, то ли взгляд ощутил, но Дайки остановился, вернулся и твёрдо сказал:

— Вытрите рот.

Мин Джун с масляными губами поспешно взял салфетку: сначала протёр Томины губы, потом свои. Сцена была немного неловкая. Особенно его собственные действия — как будто специально чистил губы, лишь бы получить поцелуй. Но именно это слегка задело желание Дайки.

Вдруг послышался сдавленный смешок. Обычно тихий Ицки не выдержал и хихикнул, будто подавив стон. Рэн метнул на него убийственный взгляд, и Ицки сразу опустил голову и вышел первым. Конечно, теперь он где-то за стеной давился от смеха.

Хакуто же только позавидовал, что Ицуки ушёл. Сам он тоже мечтал исчезнуть отсюда, хоть креветку из рук положить. С одной стороны хвост, с другой тело креветки — а два человека стоят с закрытыми глазами и ждут поцелуя босса. Если бы не мысли о покойном отце, умершем в прошлом году, Хакуто бы это не выдержал.

Дайки наклонился и поцеловал Тому в губы. Тот сразу повеселел, вцепился в стул и радостно завилял попой:

— Поцеловал! Папа поцеловал!

После этого Дайки обнял Мин Джуна за талию и потянул к себе. В ухо всё ещё с закрытыми глазами Мин Джуна он прошептал:

— Не ешь по утрам жареное. Иначе забудь о моих утренних поцелуях навсегда.

Прежде чем ошеломлённый Мин Джун успел что-то сказать, Дайки крепко прикусил его губы, целуя гораздо дольше, чем Тому — в несколько раз.

— Мама.

— Что? — откликнулся Мин Джун, выбирая зимнюю одежду для Тома на ноутбуке. Он заметил, что в шкафу нет лыжного костюма. Зима — значит лыжи. И вопросов даже задавать не стоило: в зоопарке они впервые занимались всякими «шалостями», так что на горнолыжке тем более обойдётся не без этого. Хоть трёхлетнему ребёнку и опасно, но есть ведь и санки. Поэтому Мин Джун твёрдо решил: в этом году они обязательно поедут. Тем более, что «одолженные» у Дайки сутки ещё не все потратил.

— Мама, почему Тома не может это? — Тома водил по одежде синим карандашом. Новый цвет был разрешён только один, так что почему бы ему не попробовать?

Кэнта протянул ему альбом, намекая, что рисовать лучше там. Но Тома упрямо покачал головой и продолжил разукрашивать синим домашний костюм.

Мин Джун тяжело вздохнул и отобрал карандаш, усадив сына к себе на колени.

— Тебе уже надоел синий? Мне тоже.

— Это хочу! — радостно указал Тома на розовый лыжный костюм в виде мишки на экране. Явно девчачий вариант, но синий мальчишеский он даже не посмотрел.

Мин Джун уже хотел отказать, но, подумав, решил, что розовый — не такой уж и яркий цвет, ничего страшного. Он с надеждой посмотрел на Кэнта. Сначала нужно склонить его на свою сторону, а уже потом убеждать Дайки. Тот был слишком строг именно с цветами — почему, Мин Джун так и не понял.

— Нельзя, — тут же ответил Кэнта.

Он хотел бы отвести взгляд, но Тома, всё больше становившийся похожим на Мин Джуна, захлопал ресницами и умоляюще посмотрел на него. Кэнта не выдержал и, словно сдаваясь, придвинул ноутбук поближе, рассматривая ткань и объясняя:

— Это, конечно, девчачий вариант, но с размером проблем не будет.

— Правда? Тогда берём? Хотя Дайки, наверное, взорвётся...

— Ну... Можно надевать, когда его рядом нет. Но в помещении это будет неудобно.

— Ты что, Кэнта! — Мин Джун рассмеялся и шутливо хлопнул его по плечу. — Зачем в помещении? Мы же в горы поедem!

Кэнта уже собирался взять телефон, чтобы позвонить в магазин, но рука застыла на полпути — он уставился на Мин Джуна. Ему впервые захотелось хорошенько стукнуть по его наивному лицу, которое ничего не подозревая сияло беззаботной улыбкой. Ладно ещё зоопарк, кое-как это было возможно, но лыжный курорт — совсем другое дело. Количество людей не имело значения: всегда можно арендовать курорт на день до официального открытия. К тому же Дайки действительно любил зимние виды спорта. Но проблема была в том, что Тома ещё слишком мал. А если вдруг он получит травму? Кэнта знал — он себе этого никогда не простит. Поэтому как можно спокойнее и почтительнее сказал:

— Господин Тома ещё слишком мал.

— Ня! Тома не маааленький! — тут же возмущился Тома, вскакивая на ноги и бросаясь к Кэнте. Обычно он хоть и капризничал, но никогда не бил взрослых и не вёл себя грубо. Наоборот, он словно всецело доверял Кэнте право принимать решения, поэтому обхватил его за шею и прильнул с лаской.

— Не хочу, Кэнта! Тома поедет! Буду кататься, кататься!

Губы Кэнты невольно дрогнули, и он, сев по-японски на колени, мягко заключил ребёнка в объятия.

— Господин Тома, не тревожьтесь. Я, Кэнта, жизнью своей буду вас оберегать.

— Ура, мама! Кэнта скажет папе!

— Молодец, Тома. Поедем кататься на лыжах.

— Ура! Ски! Тома будет кататься!

— Кэнта, если будут трудности — скажи. Я помогу. Дайки в этот раз ничего не сможет поделаться. Он ведь и так у меня в долгу. А теперь выберу и себе лыжный костюм.

— Господин Мин Джун, я непременно всё доложу.

Но Мин Джун, уже увлечённо уткнувшийся в ноутбук и занятый шопингом, лишь рассеянно кивнул. Кэнта в очередной раз понял, что его переиграли. Особенно когда услышал, как Тома шепчет Мин Джуну на ухо: «Мама, Тома молодец?» Он лишь тихо улыбнулся, глядя на них.

В сущности, Кэнта жил ради Тома. Если Тома счастлив — он готов был на всё. Пусть даже придётся встретить убийственный взгляд Дайки, Мин Джун точно не оставит его одного. С этой мыслью сердце Кэнты наполнилось волнением и предвкушением их первой зимней поездки.

Тогда он был опьянён счастьем: вместе с Мин Джуном выбирал себе лыжный костюм и проводил время с радостью. Впервые за долгое время их трое чувствовали себя одной семьёй. Даже желудочные лекарства, которые Мин Джун неизменно принимал с самого приезда, вдруг оказались не нужны.

— Бум-бум снег идёт, барабан стучит, с небес к нам снежная фея падает, вся белая-белая...

Размахивая руками и покачивая попой, Тома во всё горло распевал корейскую детскую песенку, которую выучил от Мин Джуна. И хотя это было совершенно не обязательно, он всё же устроил «концерт» прямо в холодном саду, где пил кофе Шоу. Тот каждый раз хохотал до слёз, когда ребёнок начинал смешно вертеть бёдрами.

— Гляжу, Тома в танцах — копия мамы. И как у вас обоих так получается: тело и попа отдельно живут? Чем больше смотришь, тем чуднее.

Мин Джун, показывавший Томе движения построчно, сам не заметил, как начал слегка вилять бёдрами. Опомившись, он покраснел и зыркнул на Шоу.

— Ой-ой, наша мама опять рычит. Тома, смотри — страшно! Мама «ар-р-р» делает! — поддразнил Шоу и, словно прятаясь, спрятался за дерево.

Мин Джун едва сдержался, чтобы не вытолкнуть его в дом, но Кэнта отсутствовал, и он не мог

оставить ребёнка одного.

— Дядя, мама страшный? — Тома округлил глаза. — Обидно. Мама не рычит на Тому.

— Вот именно, только на всех остальных, — подхватил Шоу.

— Да ну, только на дядю, — вставил Мин Джун.

— Эх, и на Дайки тоже. Каждую ночь, — ухмыльнулся Шоу.

— Дядя! Вы... если будете так, я... я... — Мин Джун запнулся, не найдя слов. В присутствии Тома он не мог как следует рассердиться. Тем более ребёнок последнее время стал копировать всё, что делал Мин Джун, даже отрывку, из-за чего их чуть не выгнал с обеда Дайки.

Тома смотрел на него во все глаза и требовательно спросил:

— Мама, а дальше что? «Если так...» что?

— Э... если так, то... мама «ар-р-р» сделает. Тома, иди сюда, я покажу тебе основную стойку для лыж.

— Ладно. А когда мой лыжный костюм придёт?

— Хм... может сегодня, а может завтра.

Из универмага сообщили, что розовый костюм нужного размера пока отсутствует, поэтому доставка задерживалась.

— Тома хочет скорее надеть! — сложив руки и состроив жалостливую мину, Тома выглядел таким трогательным, что Мин Джун взвизгнул от умиления, подхватил его на руки и закружил.

— Ты такой милый! Тома, люблю тебя!

— Тома тоже маму любит!

Шоу, наблюдая, как они кружатся посреди сада, лениво бросил:

— Слишком уж смелые мечты. Думаешь, босс разрешит? Вряд ли он согласится тащить с собой и Тому.

— Ничего ты не понимаешь. Кэнта обещал помочь.

— Ох, небось опять заявит, что зарежется, если не разрешат. Перестань мучить Кэнту.

— Никого я не мучаю! Ему самому понравилось, мы даже вместе костюм купили!

Мин Джун сердито возразил, но тут движение у входа насторожило охрану. Было ещё рано для возвращения Дайки. Шоу резко схватил Мин Джуну за руку и отодвинул с Томой за спину.

— Дядя... — прошептал Мин Джун.

— Тсс.

Мин Джуну охватил страх, но показать тревогу при Томе он не мог. Стараясь держать улыбку, он прижался к спине Шоу.

В этот момент Синба быстрым шагом подошёл к Шоу. Тот не сводил взгляда с ворот, но спросил:

— Что случилось?

— Прибыл господин Таичи, — ответил Синба и тревожно глянул на Мин Джуна.

Услышав имя, тот вздрогнул, крепче прижал к себе Тому. Его память о нём была отвратительной, но куда сильнее он боялся, что Тачии узнает правду — что он вовсе не женщина.

— Почувствовал запах? Почему вдруг появился? — нахмурился Шоу.

— Запах? Какой ещё запах? — лицо Мин Джуна побледнело, и он схватил Шоу за руку. Все надежды, что Таичи заглянул случайно, растаяли.

Тома, заметив тревогу матери, тоже сморщился и сердито сказал:

— Тома не любит дядю Таичи. Всегда злой. Не нравится!

— Все спокойно. Ничего страшного. Мин Джун, на всякий случай, зайди в дом... Чего? Этот тип почему пешком идет, а не на машине?

Не успел Мин Джун и шагу сделать, как Таичи в черном пальто, заложив руки в карманы, небрежно помахав пальцами в знак приветствия, нагло вошел в сад. За ним следовала целая группа мрачных мужчин. Взгляд Таичи тут же впился в Мин Джуна. Улыбнувшись одним уголком губ, он приблизился.

— Здравствуйте, дядюшка. Какой случай привел вас сегодня в сад? Неужели вышли встречать меня? О, а тут и Тома... и мама.

Даже мимоходом было слышно, что слово «мама» он специально выделил, чтобы поддеть. Мин Джун крепче прижал Тому к груди. Ему казалось, что если только не выдастся его плоская грудь — как-нибудь выкрутится. К счастью, волосы он не остриг, и они стали еще длиннее, чем раньше, так что он, как обычно, заколол их шпилькой, убрав за одно ухо. Мин Джун решил, что если будет поменьше разговаривать, сможет проскочить.

— Что вам нужно? Наш босс...

— Какой еще босс. Я ж говорил — я всего лишь шавка у Дайки.

— Вот как? Не знал.

На холодные слова Сё Таичи громко расхохотался и, подзывая хмурого Тому, поманил его рукой.

— Эй, Томочка. Скажи дяденьке привет.

— Хмф, Тома — мамин. Не дяденькин.

— Ну давай, скажи, что дяденькин.

— Не-а. Мама-а...

Вдруг Тома расплакался и вцепился в шею Мин Джуна. Мин Джун мысленно вывалил на Тайчи все ругательства, которые ему когда-то бабушка вбила в голову, и стиснул зубы. Кричать и спорить он не мог — оставалось только топтаться от злости.

— Зачем ребенка доводишь до слез? Что вообще тебе нужно?» — нахмурился Шоу и взглядом велел Мин Джуну уходить. Синба тут же понял намек и шагнул вперед.

— Погодите, без приветствия уходить неправильно, верно? Юрия-тян.

Мин Джуна передернуло от слов Тайчи, приправленных подмигиванием. Он вздрогнул всем телом. Больше всего ему хотелось подскочить и заехать ему прямо в лицо, но он лишь молча сверлил его взглядом.

— Тайчи, следи за языком. Забыл, что ты натворил? Дайки ведь не знает, что ты здесь? Тогда разворачивайся обратно. С детьми я проведу беседу.

Это значило: он готов закрыть глаза. Но Тайчи лишь ухмыльнулся и, будто в гости заглянув, прошел на террасу сада:

— Здесь ведь можно посидеть, да?

Даже Шоу не мог выставить его за дверь. После Дайки, Тамчи имел самый весомый авторитет. По лицам сопровождавших его людей было видно: они недовольны. Шоу пришлось сохранять лицо Тайчи. Он приказал Синбе проводить Мин Джуна внутрь, а затем велел принести чай.

Когда Мин Джун уже поворачивался, чтобы уйти, Тайчи громко и отчетливо окликнул его:

— Хён, вы, случайно, студент Токийского университета?

— Да, — машинально вырвалось у Мин Джуна.

И только когда увидел, как Шоу и Синба одновременно зажмурились, понял, что ответил на ловушку. В тот миг он чуть не выронил Тому. Хотелось самому себе язык вырвать. Уже в доме он так колотил себя по голове, что и не сосчитать. Рядом Тома, повторяя за ним, тоже хлопал себя по макушке.

— Ты же не просто мимоходом зашел. Что за дело? — Шоу пытался надавить, когда принесли чай.

— Да так, пустяк. На днях попалась одна занятная фотография. Хотел показать боссу. И вам тоже.

— Какая фотография?

— Мой бывший подчиненный все еще прикрывается именем Уэямы, обманывая бедных студентов. Я засадил пару ребят в Токийский университет. И вот они прислали снимок.

Тайчи положил на стол фотографию. На ней Мин Джун рыдал, прижимаясь к Шоу, а рядом стоял Рёсукэ, скрестив руки и глядя на них свысока.

«Рёсукэ, черт бы тебя... Смотри, смотрит на нас, как на насекомых», — подумал Шок. Больше, чем сам кадр, его задело выражение лица Рёсукэ. Но раз Тайчи принес такое, значит, пришел не зря. Несомненно, он уже знал, что Мин Джун мужчина. В такой ситуации лучше было делать вид, будто ничего не замечает.

— И что с того?

— Ну как же. Тут ведь жена, которая плачет у вас на руках, верно? Очевидно, похищение. И Рёсукэ тут, и сами же только что сказали, что жена учится в Тодай.

— Не знаю, что ты там хочешь выведать, но от меня не услышишь ни слова. Любопытно — спроси у босса. Или кишка тонка, вот и заявился, пока его нет?

Взгляд Таичи стал острым. Шоу в тот миг снова проникся гордостью: как-никак, перед ним заместитель клана Уэяма. И если бы не его положение — крестный Дайки, — то за такие слова Таичи давно бы уже его прикончил.

— Ну ладно. Как же я осмелюсь спорить с вами, дядюшка. Схожу-ка я сам к боссу, — ухмыльнулся Таичи и, не допив чай, поднялся.

— Таичи.

Он обернулся.

— Загляни как-нибудь в додзё. Проверю, как у тебя дела с мастерством.

Таичи громко рассмеялся:

— С радостью! Но вы же в возрасте, дядюшка, потянете?

— Кому ты такое говоришь? Забыл, кто меня умолял учить его фехтованию?

— Эх, когда это было... Ладно, жду звонка.

Помахав рукой, Таичи исчез. Шоу потер колючий подбородок и нахмурился, глядя на дверь.

— Все равно всплывет. Как это скрыть? Сам Таичи — не беда. Беспокоит Шинпей.

Он взглянул на серое небо, от которого веяло холодом.

— Таичи принес эту фотографию?

Дайки смотрел на снимок, который передал Шоу. Но больше, чем сам факт, что Таичи его видел, его раздражало, что Мин Джун был в объятиях Шоу. С трудом разгладив нахмуренный лоб, он сказал:

— Я разберусь.

— Он явно понял, что Мин Джун — мужчина.

— Да, Таичи просто так не двинется, пока не удостоверится.

— И это, конечно, тоже... — Шоу потер подбородок. — Но главное другое. Когда Таичи спросил: "Хён, вы из Тодай?", этот дурак ответил: "Да". С тех пор сидит убитый, и Тома вместе с ним ревет.

— Понял.

— Не ругай, а успокой его.

— Хорошо.

Слегка поклонившись, Дайки развернулся и ушел. Шоу, глядя ему вслед, почесал висок. Даже ему было тревожно: в делах Мин Джунна обычно холодный Дайки становился другим.

Мин Джунна наспех вытирал голову Томе, продолжая стенать о собственной глупости.

— Ну как можно быть таким тупым? Ясно же, что он проверял. Надо было сказать "Нет", а я ляпнул "Да". Всего четыре слога, а какой результат... Эх, Мин Джунна.

Вздохи не прекращались. Услышав их, Тома выбрался из-под полотенца и двумя пальцами потянул Мин Джунна за губы. Сложенные в «утиный клюв» губы рассмешили мальчика, и он залился смехом.

— Мама — кря-кря.

— Тома, больно... — проямлил Мин Джунна, не выпуская губ.

— Кэнта сказал, не "пу" делать.

— Пу?

Тома отпустил его губы, залез к нему на колени и, хлопая в ладоши, запел странную песенку. Прислушавшись, Мин Джунна понял: это «Зимний ветер», которую он сам учил Томе. Каждый день он заставлял мальчика петь зимние песни перед Дайки, чтобы выбить поездку на горнолыжный курорт.

— Снег холодный, ноги холодные, зимний ветер дует, брр-брр-брр.

— Тома, не то. Я ж другую учил. Слушай: "В лесу родилась..."

— В лесу ло-дилась.

— Ёлочка зимой.

— Ёлочка зимой...

— Играет на ветру.

— Игает на ветру.

— Молодец.

— Мо-ло-дец.

— Нет, это повторять не надо. Главное — перед папой спой. Тогда...

— Тогда что?

— Ай! Чуть сердце не выскочило...